

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Заостровцев А. П. О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. — 248 с.

Немногим более 250 лет назад на эту же тему под более академическим названием в Англии вышла книга Адама Смита. Рецензируемая книга потомственного политэконома, профессора НИУ–ВШЭ в Санкт-Петербурге А. П. Заостровцева позволяет сопоставить взгляды на природу богатства народов основоположника политической экономии и ныне живущих его последователей. Эта возможность появляется из-за того, что автор излагает проблему не от своего имени, а устами ряда всемирно известных специалистов, включая некоторых лауреатов Нобелевской премии по экономике. Назвать всех упоминаемых в книге экономистов в рецензии невозможно: приложенный в конце книги список литературы занимает 14 страниц. Чтобы представить структуру книги и тех экономистов, чьи концепции приводятся в ней наиболее подробно, приведу ее оглавление: гл. 1. Д. Норт: постижение истории; гл. 2. Асемоглу и Робинсон: только институты имеют значение; гл. 3. Дипак Лал: модернизация без вестернизации; гл. 4. Мизес и австрийская экономическая школа: идеи имеют значение; гл. 5. От Мизеса к Макклоски: риторика и история.

В предисловие автор высказывает мнение, что его «книга будет интересна не только и не столько экономистам; больше — историкам, социологам, политологам, философам» (с. 9). Мне представляется, что она будет очень полезна российским преподавателям экономической теории, вынужденным выполнять свою работу в режиме, мало способствующем выходу за пределы основного направления современной экономической мысли.

Лейтмотив книги, задуманный автором, не нов, но все еще достаточно популярен: основное направление экономической мысли (mainstream) сегодня не способно объяснить причины богатства и бедности народов; не раскрыта «тайна экономического роста» (Э. Хелпман) и другими социальными науками. Поэтому «экономисты бросились писать историю» (с. 7), разрабатывая новые методы научного анализа. (Вторая волна экономического империализма. Первая возникла во второй половине прошлого века, когда инструменты микроэкономического анализа стали внедряться в социальные науки; ярким примером может служить книга лауреата Нобелевской премии по экономике Г. Беккера «Трактат о семье»).

Результат этого «броска», несомненно, положительный. Концепция новой институциональной экономики (НИЭ), одним из основателей которой является Д. Норт, убедительно доказала, что организационная структура и результативность национальных экономик определяется не только объемами наличных факторов производства и технологией; не меньшую роль играют социально-экономические институты (формальные и неформальные правила поведения, обычаи, менталитет индивидов), идеология и религия. Само по себе это утверждение не ново. А. Заостровцев, явно симпатизирующий австрийской школе, приводит цитату из работы 1940 г. Л. Мизеса: «Главной отличительной особенностью развитого Запада была не техника, а моральная атмосфера, поощрявшая бережливость, образование капитала, предпринимательство и мирную конкуренцию» (с. 176). Однако выводы

НИЭ основаны на громадном объеме многолетних исследований исторического развития человеческих обществ во времени и в пространстве.

Наивысшим достижением НИЭ сегодня по праву считается концепция социальных порядков, в завершенном виде изложенная в коллективной монографии Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальный порядок: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества», изданной на русском языке в 2011 г. В соответствии с этой концепцией все типы государственных устройств (социальные порядки) по критерию степени благоприятствования экономическому росту делятся на две неравные группы: государства с «порядком ограниченного доступа» (ПОД) и «порядком свободного доступа» (ПСД). Формат рецензии не позволяет излагать отличительные характеристики этих порядков. В рецензируемой книге они описаны достаточно подробно с разъяснениями их влияния на возможности экономического роста и объяснением того, почему переход от ПОД к ПСД не прост. Большинство государств за многовековой период их существования относятся к ПОД. И лишь около 15% населения земного шара сегодня живет в странах с ПСД, который обеспечивает наиболее высокое благосостояние граждан. Несмотря на новизну и необычность предложенной Д. Нортом, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгатом классификации государств по типам, ее убедительность и операциональность была широко признана и в ряде стран, в т. ч. в России, были созданы исследовательские проекты, основанные на теории социальных порядков.

Переход от концепции социальных порядков к изложению основного содержания книги Д. Асемоглу и Дж. Робинсона «Почему страны терпят неудачи: источники власти, процветания и бедности» во 2-й главе, имеющей выразительный заголовок, органично продолжает анализ роли социально-экономических институтов в качестве условий экономического роста. Вероятно, Адаму Смиту заголовок главы понравился бы. Он тоже убеждал: источник богатства не золотые и серебряные рудники, а общественное разделение труда и обезличенный обмен. Д. Асемоглу и Дж. Робинсон обращают внимание на то, что одни институты, названные «инклюзивными», способствуют росту благосостояния, другие — «экстратные» — препятствуют. Об этом же говорили и первые политэкономы: протекционизм и крепостное право — плохо, а фритредерство и свободный перелив факторов производства — хорошо. Но цель Д. Асемоглу и Дж. Робинсон, конечно, не внедрение новой терминологии. В их книге обстоятельно обсуждаются причины экономического неравенства стран и возникающие из этого вопросы. Например, если информация о том, как создать эффективно функционирующую экономику, общедоступна, то почему правители бедных стран ей не воспользуются, не создадут благоприятный инвестиционный климат? Авторы, естественно, дают свой ответ на этот вопрос, который кратко излагается и в рецензируемой книге.

Обсуждение роли институтов и их особенностей продолжается и в 3-й главе, в частности, в виде дискуссии между двумя этническими индийцами, всемирно известными экономистами Дипаком Лалом и Амартия Сенем. «Незападные общества могут перенимать средства для достижения процветания (рыночный менталитет), не поступаясь душой (коллективистским менталитетом)» — пытается доказать Д. Лал. Поэтому он сомневается в обоснованности ожиданий, что в России по мере роста ВВП и развития среднего класса появятся требования политических свобод. А. Сена, напротив, доказывает в своей четырехсот страничной монографии «Свобода как развитие», что «права и свободы являются не только основной целью развития, но и его основным средством» (с. 29). А. Сен

разделяет мнение патриарха новой австрийской экономической школы Л. Мизеса, утверждавшего то же самое на 50 лет ранее: «Многие представители народов заявляют, что они хотят скопировать только материальную культуру Запада; и даже это сделать лишь постольку, поскольку оно не будет противоречить их местным идеологиям и не подвергнет опасности их религиозные верования и обычаи. Они не понимают, что перенимание того, что они уничижительно называют всего лишь материальными достижениями Запада, несовместимо с сохранением их традиционных обрядов и табу, а также привычного образа жизни» (с. 180).

По сценарию книги удар напал А. Смит, а вместе с ним и неоклассическая школа, получают в 4-й главе. В роли дубинки выступает методологический дуализм Л. Мизеса, гласящий «что способ и методология изучения и анализа людей должны радикально отличаться от анализа камней, планет, атомов или молекул. Почему? Очень просто: потому, что сущность людей состоит в том, что они имеют цели и намерения» (с. 173). Следовательно, нельзя описывать человеческую деятельность через функциональные зависимости.

Но «мейнстримовцев» это не убеждает. Они замечают, что методологическому дуализму не соответствуют даже две приведенные выше цитаты Л. Мизеса, из которых следует, что определенные объективные закономерности в функционировании и развитии общественной жизни все же есть. Главным укором методологическому дуализму служит успешное развитие экономики в странах с ПСД. Его обеспечивают не только научно организованные менеджмент, маркетинг и логистика, а в первую очередь кредитно-денежная система и структурная политика. Неоавстрийцы утверждают, что без последних экономика развивалась бы лучше, но жизнь пока это не подтверждает.

Забить последний гвоздь в крышку гроба мейнстрима А. П. Заостровцев поручает Дейдре Макклоски в заключительной 5-й главе. Но получается это у нее не очень уверенно. Например, в пух и прах разнесенную австрийской школой неоклассическую производственную функцию Д. Макклоски предлагает дополнить сомножителем, который должен учитывать воздействие на рост ВВП институциональных факторов:

$$Q = I(D, B, R) \cdot F(K, sL),$$

где I — инновационная функция, зависящая от D — достоинства, B — свободы и R — прибыли инноваторов. F — неоклассическая производственная функция, в которой s отображает уровень образования и квалификации работников (с. 220).

Инновационная функция Д. Макклоски не является чисто символической припиской. В лучших традициях микроэкономического анализа ее автор отмечает, что аргументы D , B и R находятся в отношениях взаимозаменяемости и взаимодополняемости и требуют определенной сбалансированности. «Несбалансированные добродетели оборачиваются пороками. Достоинство, например, тяготеет к коррупции, и тогда оно оказывает скорее негативное, чем позитивное воздействие на величину $I(\cdot)$. Свобода, включая словесную активность, может обернуться политически выраженной завистью, если бедным людям, обладающим ныне правом выражения мнения и правом голоса, покажется, правдоподобным, что воровство у богатых есть наиболее прямая дорога к избавлению от бедности» (с. 221).

Думаю, что после прочтения рецензируемой книги преподаватели основного направления современной экономической мысли не расстроятся, а напротив, воодушевятся тем, что арсенал инструментов научного анализа у экономистов

сегодня богат, как никогда. Правда, оптимизма по поводу перспектив российской экономики у них может поубавиться. А. П. Заостровцеву можно пожелать осуществления допущенной им в предисловии возможности появления «второй серии».

*П. И. Гребенников,
докт. экон. наук,
Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики (Санкт-Петербург)*

Ковалев В. В., Уланов В. А. Курс финансовых вычислений. — 4-е изд. — Москва: Проспект, 2015. — 560 с.

Если сравнить с первым изданием 1999 г., то, безусловно, рассматриваемая работа — это другая книга, с измененным, переработанным содержанием и соответствует требованиям нашего времени. Исчезли мало кому сейчас полезные финансовые таблицы (когда под рукой невероятной мощности калькуляторы). Приложение 1 (список основных формул на с. 500–526) носит несколько лукавое название, если обратить внимание на применение прилагательного «основные». В этом смысле примечательна статья «О необходимом минимуме формул», вошедшая в это издание (с. 414–420). В ней, в частности, указывается, что востребованность формул различна, и что важно «они взаимозаменяемы, что позволяет пользоваться их ограниченным набором». При этом даются рекомендации и пояснения.

Весьма необычен эпиграф для такого рода изданий. Приведем его полностью. «Не будет преувеличением сказать: с вычислением коммерсант выступает на жизненном поприще и с вычислением сходит в могилу» (с. 3). Это написал Г. Н. Мокеев, преподаватель одного из лучших в дореволюционной России курсов М. В. Побединского. Но, как авторы пишут, что его слова, «возможно и в гротескной форме, но по сути весьма выпукло и точно подчеркивают значимость методов количественной оценки для успешного ведения бизнеса» (с. 3). И с этим нельзя не согласиться.

Конечно, мы не будем говорить об опечатках (например, на с. 508, 509), которые присущи большинству изданий и от которых чрезвычайно трудно избавиться. Выскажем лишь ряд суждений по существу изложения.

Содержание книги соответствует названию и с той или иной степенью наполнения охватывает следующие разделы. В первой главе излагается логика финансовых операций в рыночной экономике. Речь идет о временной ценности денег. Вводится (в разделе 1.2) понятие простейшей финансовой сделки. Отмечается, что в любой простейшей финансовой сделке всегда присутствуют три величины: исходная сумма, возвращаемая сумма и ставка (процентная или учетная). Зная две из них, можно определить третью. С позиции математики имеются только три возможных случая, один из которых приводит к базовому понятию — ставка. Оставшиеся две возможности приводят к фундаментальным понятиям процессов наращивания и дисконтирования. Таким образом, элементарная, естественная с практической точки зрения финансовая операция позволяет определить фундаментальные понятия, широко используемые в финансовой математике. Далее, в последующих главах, процессы наращивания и дисконтирования конкретизируются и представляются в аналитическом виде, который зависит от поставленных целей. Более того, исходя из простейшей финансовой сделки, можно определить

эффективную ставку $r_e = \left(\frac{FV}{PV}\right)^{\frac{1}{n}} - 1$ (с. 153), которая является частным случаем

IRR (с. 352), когда инвестиция PV генерирует через n лет один доход в размере FV

Авторы указывают, что определения процессов наращенного и дисконтированного весьма симметричны. И это объяснимо, поскольку по существу каждый из них — только процесс приведения (учитывающий временную ценность денег) либо на момент в будущем, либо на более ранний момент времени. Кстати и соответствующие аналитические формулы, выражающие эти процессы, очень похожи. Например, сравним формулу для нахождения будущей стоимости постоянного

аннуитета постнумерандо $FV_{pst}^a = A \cdot \frac{(1+r)^n - 1}{r}$ и записанную в несколько ином

виде формулу для определения дисконтированной (обычно называемой приведенной) стоимости этого аннуитета $PV_{pst}^a = -A \cdot \frac{(1+r)^{-n} - 1}{r}$. Не говоря уж о том,

что обе формулы позволяют всего лишь находить сумму первых n членов геометрической прогрессии с соответствующим знаменателем. Естественно, можно привести много подобного рода примеров. С этих позиций, если мы используем понятие «наращенная сумма», то аналогичным образом должны использовать понятие «дисконтированная сумма», а не «приведенная».

Кстати на с. 19 вводятся мало указываемые в литературе, но важные относительные показатели, как индекс роста суммы (по существу множитель наращенного) и дисконт-фактор. Возможно, необязательно было приводить когда-то используемые (почти семьдесят лет тому назад) проценты со «100», «на 100», «во 100» (с. 24–28). Однако исторические ссылки и использование даже рядов (с. 27–28) представляют интерес. Представляется нелишним, в связи с падением уровня школьного образования и раздел, посвященный арифметической и геометрической прогрессии (раздел 1.4). Ведь с этими понятиями фактически связаны простые и сложные проценты.

Во второй главе рассматриваются простые ставки и соответственно наращенное и дисконтированное в условиях простых процентов, причем наращенное рассматривается не только по процентной ставке, но и по учетной (с. 67–76). В разделе 2.3 приводятся два способа погашения потребительского кредита и показывается на примерах, что один из них по существу грабительский (имеется в виду так называемое «правило 78», излагаемое с. 48–50). Выделяется и раздел 2.7 (факторный анализ учета векселя), который позволяет проиллюстрировать с экономической точки зрения некоторые любопытные моменты. Вообще, на с. 80 есть примечательное и, как нам кажется, полезное утверждение, а именно «при изучении финансовых вычислений сплошь и рядом сталкиваемся с ситуациями, когда финансово естественные утверждения подтверждаются строгими математическими доказательствами». Достаточно подробно рассказывается об инфляции. В частности, интересны приведенные формулы 2.61 (с. 107) и 2.64 (с. 111), которые показывают реальные процентную и учетную ставки, позволяющие оценить соответствующим образом доходность при инфляции. Безусловно, важно, что в разделе, посвященном замене платежей и их консолидации, отмечается, что (в условиях простых процентов) выбор даты приведения может влиять на результат. В частности, выбор момента приведения всех платежей влияет на момент

выплаты консолидированного платежа. Поскольку он не одинаков, то в одних случаях время выплаты лучше для должника, а в других — для кредитора.

Об этом в свое время писали такие известные финансисты, как Н. С. Лунский (1867—1956), Б. Ф. Малешевский (1844—1912). Ситуации, связанные с заменой нескольких платежей, например, одним, достаточно обычны в финансовой практике. Естественно при пересмотре контракта ни один из его участников не желает нести в связи с этим какие-либо потери. Поэтому в каждом конкретном случае составляют уравнение эквивалентности, в соответствии с которым финансовые отношения участников не изменяются в результате изменения контракта. Однако в условиях простых процентов, как отмечается в «Курсе...», принцип финансовой эквивалентности не реализуется однозначным образом.

Естественно, согласно логике изложения, третья глава посвящена сложным процентам. Подробно излагается наращение сложными процентами (раздел 3.1) Дисконтирование рассматривается не только по сложной процентной ставке (раздел 3.4), но и по сложной учетной ставке (раздел 3.5). В разделе 3.6 рассматривается непрерывное наращение и дисконтирование и здесь для получения некоторых приближенных соотношений удачно привлекается теория рядов (например, на с. 181). На с. 185—186 показывается, как задавая конкретный вид силы роста, можно получить формулу наращения сложными процентами и некоторые другие в некоторой степени экзотические формулы. А вот формула наращения простыми процентами почему-то не представлена. В разделе 3.9 приводится много формул, связывающих между собой эквивалентные ставки, но их не предлагается заучивать. Просто поясняется, как приравнивая соответствующие множители, можно получить такого рода формулы. На с. 212 проблема эквивалентности ставок рассматривается с общих позиций (например, эквивалентность одной ставки нескольким ставкам или эквивалентность двух наборов ставок). Надо сказать, что с позиции обучения роль эквивалентных ставок достаточно велика, ведь они позволяют существенно уменьшить количество формул, которые надо знать наизусть. Поскольку существуют различные возможности изменения условий финансового соглашения, то имеется и большое разнообразие так называемых уравнений эквивалентности. Но авторы указывают, что нет необходимости охватывать готовыми формулами все случаи, да это и невозможно. Но, что важно, они обращают внимание, что при использовании сложной процентной ставки (в отличие от простой) не возникает проблем с определением, например, даты, на которую рассчитывают приведенные значения платежей: «она может быть любой, так как значения новых характеристик от изменения даты не меняются». С позиции математика любопытны приближенные формулы, приведенные на с. 220 и на с. 222 (связь сложных процентов с простыми процентами). На с. 223 высказывается интересное утверждение о записи всех уравнений эквивалентности для определения срока в единообразном виде.

Глава 4 посвящена денежным потокам. Нужно сказать, что определение аннуитета (финансовой ренты) в книге отличается от общепринятого и авторы четко различают постоянный и переменный аннуитет, предлагая свое видение. Авторы вводят свои обозначения коэффициентам наращения и дисконтирования аннуитета, достаточно простые по смыслу: первый множитель, второй множитель и т. д. (с. 236, 249). В современной литературе по финансовой математике нет единых обозначений и поэтому это объяснимо. Впрочем, и для множителей наращения и дисконтирования сложными процентами у них также используются свои обозначения (с. 133, 156). В разделе 4.5 представлены несколько рекуррентных соотношений (с. 276—279), которые лучше позволяют понять сущность платежей

при выплате, например, ипотеки (с. 327–328). Раздел 4.7 («Постоянный непрерывный аннуитет») несколько сложен для восприятия обычных экономистов, но для лиц, не безразличных к математике представляет несомненный интерес.

В главе 5 излагаются некоторые приложения финансовых вычислений. Погашение долгосрочной задолженности и амортизационные отчисления воспринимаются, как следствие предыдущих глав. Но в разделе 5.3 («Анализ доступности ресурсов к потреблению в условиях рынка») поставлена более высокая планка восприятия курса финансовых вычислений. Математики почти нет, но есть много рассуждений экономического характера. Безусловно, весьма кстати и рис. 5.1 на с. 342. В разделе 5.4, посвященном принятию решений по инвестиционным проектам, кроме достаточно стандартных и известных формул, интересны рассуждения о взаимосвязи между критериями (с. 361–362). Здесь приводятся не только теоретические рассуждения, а то, что есть на самом деле на практике. Оценка ценных бумаг достаточно ясна, имеются любопытные примеры (в частности, на с. 374–375), которые показывают, что базовая модель оценки финансовых активов не так проста. Введение в страховые расчеты, по нашему мнению, вообще выпадают из общего курса. Там слишком много специфики, начиная от теории вероятностей и математической статистики. Тем не менее с таким материалом полезно ознакомиться, чтобы понимать, что даже для изучения практики финансовых вычислений необходимы значительные усилия.

Глава 6 («Финансовые и коммерческие вычисления в исторической ретроспективе»), конечно, выбивается из задач «Курса ...» Она достаточно объемна, почти 11% от всего сочинения. И что замечательно. Мы очень мало знаем о наших великих предках, о том, что они сделали для развития и становления коммерческих и финансовых вычислений в России. И вот вдруг узнаем, что Генриху Карловичу Бруну (1806–1854) Императорская Академия наук присудила половину Демидовской премии за работу «Руководство к политической арифметике», изданную в 1845 г. (с. 447). А в 1850 году была издана фундаментальная работа А. Штейнгауза (1810–1894) «Купеческая арифметика» (с. 432). Невероятно, но факт, что к изданию «Купеческой арифметики» Штейнгауза был причастен практически мальчик (15 лет!), имя которого, кстати, в качестве переводчика не было указано на титульном листе книги. Более того, он перевел еще и сочинение по бухгалтерии Штейнгауза. Это знаменитый наш соотечественник Н. А. Найденов (1834–1905). А какое значение имел труд Б. Ф. Малешевского «Теория и практика пенсионных касс», опубликованный в 1890 году и посвященный математической теории оценки долгосрочных операций, математической статистике и теории страхования? Это ведь сочинение общим листажом 1750 с., которое включало еще и приложение (объемом 272 с.), в котором «излагались необходимые для понимания разделы высшей математики» (с. 465) Видимо, много материала не вошло в книгу, поскольку есть много ссылок на статьи В. А. Уланова (с. 421, 447, 465, 466, 468).

Приятное впечатление оставляет и глоссарий. Видно, что авторы очень тщательно подошли к определениям важных понятий. Однако, по нашему мнению, более четко следовало соотнести между собой определение понятий наращения (на с. 20 и на с. 486) и дисконтирования (на с. 20 и на с. 484). Наверно, можно было и другие определения пообсуждать. Но по утверждению авторов, этот раздел был одним из самых трудных для написания.

Что касается тестов. Видимо, у авторов их есть (имеются в виду вопросы) невероятное количество. Но как нам кажется тесты далеко не всегда (еще раз подтверждаю, далеко не всегда) дают объективную информацию о студентах.

Список основных формул (с. 500–526), конечно, ни одному обычному студенту не запомнить (страшно сказать, а может, и преподавателю). Но, как уже упоминалось, можно сослаться на раздел 5.9 («О необходимом минимуме формул»). И это было правильное решение при написании книги. Авторы очень тщательно подошли к этому вопросу. Понятно, что только из многолетней практики преподавания можно сделать такие выводы.

Впечатляет библиография. Такое ощущение, что авторы в той или иной степени просмотрели всю дореволюционную литературу. Причем интересно, что список литературы разбит на два раздела. В первом под названием «Литература XVIII в. — 30-е годы XX в.» приведены книги более 220 авторов, а во втором списке «Литература послевоенных лет» — всего лишь около 40 публикаций. Тем самым авторы показывают свое отношение к современной литературе по финансовым вычислениям (финансовой математике). И действительно, к сожалению, современные авторы нередко пишут свои книги не просто небрежно и неряшливо, а просто даже неправильно излагают известные сведения.

Безусловно, относительным недостатком сочинения является отсутствие элементов работы с финансовыми функциями в *Excel*. Можно было показать, что знание фундаментальных формул необходимо. Например, в *Excel* не реализована формула простых процентов. Но это не так важно. А как обойтись при оценке денежных потоков (используя предлагаемые стандартные финансовые функции) без эквивалентных ставок. Но их можно определить, зная только базовые формулы и фактически «вручную». Однако и здесь все-таки есть определенная возможность использовать в помощь *Excel*. Но опять же необходимо знать и то, и это. Понятно, что авторы сознательно не включили в свою работу еще сведения, которые увеличили бы объем сочинения (напомним, 560 с.) до невероятных масштабов. По некоторым сведениям у авторов есть методические разработки по обсуждаемым вопросам работы в *Excel* и не только в нем.

«Курс ...» выделяется среди издаваемой в последнее время литературы по финансовым вычислениям (можно еще сказать, по основам финансовой математики). В книге достаточно стройно и глубоко изложен материал с применением такого математического аппарата, который известен большинству студентов (даже не математиков). Например, студентам-экономистам. Книга прошла апробацию в течение пятнадцати лет, показав свою нужность и полезность. В заключение отметим, что одним из авторов книги, а именно, В. А. Улановым был написан «Сборник задач по финансовым вычислениям», который является неплохим дополнением «Курса ...»

А. А. Груздков
док. физ.-мат. наук
Санкт-Петербургский государственный
технологический институт